

Бубенок О.Б.

КАГАН И БЕК (В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ХАЗАРСКОГО ДВОЕВЛАСТИЯ)

Еще в XVIII в., когда в научный оборот стали вводиться мусульманские источники, некоторые историки-медиевисты отметили наличие двоевластия у хазар [Карамзин, 1989, с. 205]. И уже в XIX в., благодаря исследованиям Й. Клапрота и В. Григорьева, довольно широкое распространение получило мнение, что во главе Хазарского государства находился каган, который происходил из тюркской династии. Но со временем представители этой династии утратили реальную власть и попали под влияние бека, который происходил из рода могущественных хазарских князей [Klaprot, 1826, с. 273; Григорьев, 1834, с. 279–295]. Впоследствии исследователи неоднократно обращались к этому вопросу, но их мнение зачастую базировалось на данных тех источников, которым они отдавали предпочтение. При этом одни не стремились увидеть в проявлении двоевластия хазар какую-то закономерность в развитии кочевого общества, другие же, наоборот, считали это явление типичным для политических объединений тюрков.

Так, В. Григорьев, опираясь как на сообщение Константина Багрянородного о кагане и пехе (беке) у хазар в первой половине IX в., так и на данные мусульманских авторов (Масуди, Ибн Фадлана, Димашки) об ограниченности власти кагана беком в X в., пришел к выводу о тюркском происхождении династии кагана и местном, хазарском, происхождении бека. Таким образом, В. Григорьев положил начало подходу о традиционализме государственного строя Хазарии [Григорьев, 1834, с. 279–295]. По-видимому, его мнение оказало влияние на М. Грушевского, который также считал дуализм верховной власти у хазар "довольно обычным у народов турецкого корня или культуры" [Грушевский, 1991, с. 229].

В XX в. эта идея получила широкое распространение среди некоторых востоковедов. Они отметили, что в сочинениях мусульманских авторов заместитель кагана в разное время был известен под различными титулами: иша (Ибн Русте), хакан-

бек (Ибн Фадлан), бек (Йакут), малик хазар (Истахри), тархан-хакан из рода анса (Худуд ал-'Алам) и т. п. При этом титул кагана оставался практически неизменным. Исследователи также отметили, что довольно часто мусульманские авторы путали кагана с его заместителем, потому что для их обозначения стремились использовать более понятный арабам термин *малик*.

На основании этого, П. Голден, например, сделал вывод, что хазарское двое-властие – это вариант функциональной титулатуры, присущей тюркам [Golden, 1980, p. 99–100]. Б. М. Заходер же в хазарском двоевластии увидел поступательное развитие кочевого общества, т. е. это явление он считал не только типичным для хазар, а характерным вообще для многих средневековых кочевников. В качестве доказательства этого он привел пример с мадьярами, во главе которых были формальный *к.нд.а* и предводитель войска *дж.ла* [Заходер, 1962, с. 203–229]. М. И. Артамонов явление двоевластия у хазар был склонен трактовать еще более широко. Он считал, что положение хазарского кагана напоминает положение такого священного царя у многих народов, который воплощал божественную силу. И при этом в качестве примеров привел ситуацию с меровингскими королями или японскими микадо. Хазарское двоевластие, по мнению исследователя, могло стать результатом "узурпации власти новой династией, нуждавшейся в прикрытии авторитетом традиционного правительства" [Артамонов, 1962, с. 408–410].

Однако представители другой группы востоковедов не делали далеко идущих выводов относительно природы хазарского двоевластия. Так, Д. Данлоп обратил внимание, что второй человек в Хазарском государстве носил не только титул *бек*, но назывался также титулом *иша*, который, по его мнению, происходил от тюркского *шад*. Однако Д. Данлоп пришел к выводу, что двоевластие у хазар утратило смысл после принятия иудаизма [Dunlop, 1954, p. 97–99, 104–115]. Подобных взглядов придерживался также А. П. Новосельцев, который обратил внимание на данные армянских источников, согласно которым в VII–VIII вв. второе лицо в Хазарском государстве именовалось *шад*, в котором исследователь увидел титул *иша* более позднего времени. Это дало основание исследователю считать, что на рубеже VIII–IX вв. *шад* выдвинулся на первое место и принял титул *бек* [Новосельцев, 1990, с. 134–143]. Т. М. Калинина в своем исследовании на данную

тему подчеркнула, что "на каком-то этапе политического развития в Хазарии власть перешла от хакана к шаду или беку: со временем большую роль, чем хакан, стал играть шад, который в X в. стал именоваться беком" [Калинина, 2005, с. 44]. Из гипотез последнего времени хочется привести предположение И. Г. Семенова, согласно которому хазарский бек происходил из рода правителя этнических хазар, титул которого армянские источники в VIII в. зафиксировали как *хазир-ельтебер* [Семенов, 2008, с. 86–95].

Несмотря на это, мы так и не имеем ответа на следующие вопросы: 1) Почему заместитель кагана имел столько разнообразных титулов и как они между собою были связаны? 2) Каково было происхождение заместителя хазарского кагана? 3) Почему бек окончательно не сместил кагана с престола? 4) Как часто в средневековых государственных структурах встречался дуализм верховной власти?

Относительно титула *бек*, П. Голден отметил, что он встречается у Константина Багрянородного в форме *лех*, а также в виде *бек* у таких мусульманских авторов, как Ибн Фадлан, Йакут, Истахри, Ибн Хаукаль [Golden, 1980, р. 162–165]. По данным "Древнетюркского словаря", титул *beg* существовал уже в Тюркском каганате и имел следующие значения: правитель, вождь, бек, князь, господин. Из контекста древнетюркских надписей следует, что этот титул в Тюркском каганате мог носить не один знатный человек, а несколько [Древнетюркский словарь, 1969, с. 91]. По наблюдениям С. Г. Кляшторного, беги – это "высшее сословие древнетюркского общества... аристократы по крови" [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 152]. А. П. Новосельцев считал, что этот титул имел значения "господин, владыка" и был заимствован тюрками у восточных иранцев – скифо-сарматов, согдийцев и т. д. [Новосельцев, 1990, с. 140]. По наблюдениям А. Бернштама, у тюрков-туго над каждым племенем господствующей конфедерации были поставлены "беги", "которые выбирались из среды данного племени по наследственному признаку". При этом беги подчинялись непосредственно кагану и занимали более низкое социальное положение, чем шады и ябгу [Бернштам, 1946, с. 100, 114].

Что же касается титула *шад*, то, по мнению П. Голдена, он встречается у хазар в форме *иша* у Ибн Русте, *инса* – в "Худуд ал-'Алам", *ишад* – у Гардизи, *шад* – у Мовсеса Калакантуаци [Golden, 1980, р. 206–208]. По данным "Древнетюркского словаря", в Тюркском

каганате титул *шад* представлял собой один из высших военно-административных титулов, которые могли носить родственники самого кагана [Древнетюркский словарь, 1969, с. 519]. У орхон-енисейских тюрков, по данным А. Бернштама, ябгуи шады назначались из каганского рода и являлись наместниками над определенными племенами и на случай войны соответственно командовали левым и правым крылом. Следовательно, ябгу и шадов было несколько [Бернштам, 1946, с. 111]. По мнению А. П. Новосельцева, в начале VII в., т. е. во время вхождения Хазарии в состав Западнотюркского каганата, титулы *шад* и *ябгу* носили два крупнейших сановника Хазарии и они являлись родственниками кагана. Исследователь отметил, что подобная ситуация встречалась и у кочевников более позднего времени [Новосельцев, 1990, с. 139]. Следовательно, *шад* должен был принадлежать к роду кагана и не мог носить более низкий в социальной иерархии титул *бек*. Однако, как отметила Т. М. Калинина, в X в. "вместо шада выступает лицо с титулом *бек*, который выполняет те же функции главнокомандующего и основного властителя, причем в ряде случаев его именуют царем (маликом)" [Калинина, 2005, с. 45].

В связи с этим большой интерес вызывает следующий пассаж из "Худуд ал-'Алам": "Атил – город, через который протекает река Атил. Это – поселение хазар и резиденция падишаха и его называют тархани-и хакан и (он) из потомков Анса есть" [Худуд ал-'Алам, 1930, табл. 386; Minorsky, 1937, р. 451]. Однако до конца не понятно, о ком идет речь – о хазарском кагане или его заместителе? С другой стороны, не ясно, что следует подразумевать под термином *Анса* – название династии *Ашина* или титул *шад*? Кроме того, не понятно также, что представлял собой титул правителя хазар – воспроизведение тюркского названия или характерную для персидского языка изафетную конструкцию *тархан-и хакан* (тархан кагана)?

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на происхождение титула *тархан*. П. Голден отметил случаи употребления данного термина в титулатуре хазар различными авторами: Тархан (Балами), Тархан малик ал-Хазар (Ибн Хордадбех, Мукаддаси), Ас-Тархан (ат-Табари), Рас-Тархан (Йакуби), Раж-Тархан (Гевонд) и т. д. При этом он отметил, что точная этимология данного термина до конца не понятна [Golden, 1980, р. 210–213]. "Древнетюркский словарь" значение данного слова подает как "титул правителя"

[Древнетюркский словарь, 1969, с. 539]. А. П. Новосельцев считал, что из числа представителей благородных родов каганом или беком назначались воинские начальники – тарханы (от иранского термина в значении “судья”, “переводчик”). По его мнению, тарханы назначались каганом в местах, непосредственно подчиненных кагану [Новосельцев, 1990, с. 118]. Данные письменных источников свидетельствуют о том, что тарханы могли назначаться из числа не только представителей хазарского этноса. Так, достаточно вспомнить Ас-тархана, выходца с Хорезма, предводителя хазарских войск, который согласно ат-Табари и Ибн ал-Асиру, принимал участие в походе в Закавказье в 764/765 г. [Tabari, Vol. VIII, p. 7; Ibn al-Asir, 1978, p. 22]. Кроме того, следует напомнить, что, согласно данным Гевонда, титул Раж(=Рас)-Тархан носил хазарский полководец из поколения Хатирлитвер (Хазир-ельтебер) [Гевонд, 1862, с. 92–93]. Получается, что не только приближенные к кагану представители тюркской знати, но и правители подчиненных хазарами народов могли носить титул *тархан*. По мнению А. П. Новосельцева и М. И. Артамонова, население собственно Хазарии делилось на знать (тарханов) и простой народ, где первые были освобождены от уплаты налогов [Артамонов, 1962, с. 400–402; Новосельцев, 1990, с. 118]. А. Бернштам считал, что у орхоно-енисейских тюрков словом *таркан* обозначали “сборщиков податей”. При этом иногда к названию этой должности прибавлялась приставка *бег* [Бернштам, 1946, с. 115]. Т. М. Калинина обратила внимание, что иногда в письменных источниках термин *тархан* использовался также как часть личного имени [Калинина, 2005, с. 47]. Следовательно, словом *таркан* обозначалась должность, к которой могли иметь отношение как беги из тюркютов, так и эльтеберы из зависимой знати.

В связи с тем, что в VIII в. Рас-тархан мог носить титул Хазир-ельтебер и иметь отношение к происхождению заместителя кагана, необходимо акцентировать внимание на происхождении термина *эльтебер*. А. Бернштам отметил, что у орхоно-енисейских тюрков эльтеберы возглавляли племена, “входившие в состав тюркского государства и сохранявшие свое управление”. Таким образом, иерархия власти традиционного тюркского общества представляется следующим образом: каган – шады и ябгу – беки – эльтеберы [Бернштам, 1946, с. 114]. Т. М. Калинина также отметила, что обладатель титула *эльтебер* тем самым “указывал на признание им своего более низкого положения, чем, например,

хазарский хакан” [Калинина, 2005, с. 48]. Исходя из этой схемы, эльтебер этнических хазар в государстве тюркютского кагана не мог носить титул бека. Однако письменные источники отмечают у хазар в X в. наличие лишь одного обладателя титула бек. Так, Йакут, ссылаясь на Ибн Фадлана, отмечает, что *хакан-бех* замещает “великого царя” (кагана), *к.нд.р.-хакан* замещает *хакан-бега*, а *джившигар* – *к.нд.р.-хакана* [Заходер, 1962, с. 226–228]. Таким образом, создается впечатление, что иерархия власти в Хазарском каганате подверглась существенным изменениям. Следовательно, титул бека мог носить либо один из тюркютских аристократов, либо каган даровал этот титул эльтеберу этнических хазар после того, как его приблизил к себе. Однако не ясно, куда исчезла тюркютская знать – беки?

В 39 главе сочинения Константина Багрянородного говорится о том, что до переселения венгров-“турок” в Паннонию, в IX в., в среде хазар вспыхнуло восстание каваров “против своей власти”. В результате, восстание было подавлено и оставшиеся в живых кавары бежали к венграм. К этому следует добавить, что Продолжатель Феофана Константин Багрянородный, описывая события, предшествовавшие постройке Саркела в начале 30-х гг. IX в., уже упоминают титулы “хаган и пех Хазарии” [Продолжатель Феофана, 1992, гл. 28; Константин, 1991, гл. 42, с. 162–163, 170–171]. Следовательно, уже в 30-е годы IX в. вторым лицом в каганате был бек. При этом следует вспомнить, что последнее упоминание о Хазир-ельтебере относится к 60-м гг. VIII в. [Гевонд, 1862. С. 92–93].

В итоге, представляется вполне вероятным, что в раннем Хазарском каганате имело место противостояние кагана и родовой тюркютской знати, именуемой “беками”. Данная ситуация вполне типична для многих государств, где родовые традиции были еще сильны. Следовательно, после поражения в войне с арабами в VIII в. каган начал проводить не только административно-территориальные преобразования, но и начал менять систему управления государством. Это в дальнейшем вызвало противодействие со стороны родовой тюркютской знати – беков, что привело к гражданской войне. В этой войне каган мог сделать ставку как на эльтебера хазар, так и на другого тюркютского аристократа, дав ему полномочия шада и титул бека.

Однако эльтебер этнических хазар не мог носить титул

тюркютских аристократов – бек, равно как и потомок шада не мог быть носителем этого титула, ибо он происходил из рода Ашина. Хотя “Худуд ал’Алам” указывает, что заместитель кагана – *тархан-и хакан* – “происходит из потомков Анса” [Худуд ал’Алам, 1930, табл. 386; Minorsky, 1937, p. 451]. В данном случае не имеет значение то, что *Анса* – это название рода *Ашина* или это титул *шад*, ибо *шад* должен был происходить из рода *Ашина*. Казалось бы, объяснить парадоксальность данной ситуации невозможно. Однако поиск аналогий в других кочевых обществах может помочь пролить свет на решение данной проблемы. Так, особый интерес могут представлять данные о монголах.

Еще несколько десятилетий назад Б. Я. Владимирцов в своей монографии “Общественный строй монголов” отметил одну существенную закономерность в монгольском обществе: «Источники наши единодушно говорят о том, что древние монгольские роды постоянно разделялись, разветвлялись, давали начало новым ответвившимся родам.... Род *Воржигин*, которым, естественно, внимательнее всего занимались восточные писатели, потому что к нему принадлежал Чингис-хан, является характерным в этом отношении. Достаточно бросить взгляд на “Генеалогическую таблицу”, приложенную к русскому переводу “Сокровенного сказания”, чтобы убедиться, как часто род этот давал новые и новые ветви. Новые роды появлялись и в эпоху, совсем близкую ко времени Чингис-хана. Вот, напр., род *Jurki*. У Хабул-ха’ана был старший сын, Окин-бархак, брат, следовательно, Бартан-багатура, деда по отцу Чингис-хана. У Окин-бархака был сын, Хутухту-Джурки, имевший в свою очередь двух сыновей, они и составили род *Jurki*. Наконец, отец Чингис-хана, Йесугей-багатур, выделился от своих родичей; его новый род стали называть Кият-Борджигин. Подобные же разветвления родов имеют место и среди других монгольских племен, только об этом нет таких подробных данных, как о роде Чингис-хана» [Владимирцов, 1934, с. 71]. Вполне возможно, что аналогичная ситуация произошла и с родом Ашина в Хазарском каганате. А это позволяет объяснить исчезновение упоминаний в X в. не только о шаде, но и об ябгу.

Так, данные армянских источников (Мовсес Калакантуаци) о нахождении на Восточном Кавказе носителей титулов *шад* и *джабгу* в первой половине VII в. [Golden, 1980, p. 187–188; 206–207], дают основания считать, что западотюркские каганы, в соответствии с

установившейся традицией, присылали ябгу и шадов из каганского рода на земли этнических хазар, которые являлись наместниками над эльтебером хазар. В середине VII в. ситуация резко изменилась в связи с тем, что из-за междоусобной войны Западно-Тюркский каганат начал приходить в упадок. В результате этого, возник Хазарский каганат, который возглавили представители той ветви каганского рода Ашина, которых поддерживали племена из конфедерации Нушиби. В это же время в Дагестане на землях этнических хазар продолжали находиться шад и ябгу также из рода Ашина. Таким образом, во второй половине VII в. на землях Хазарии уже обосновались представители нескольких ветвей рода Ашина. Со временем это должно было привести к тому, что ответвления от рода Ашина, возглавляемые потомками шада и ябгу, образовали свои самостоятельные роды. Как видим, в иерархии хазарского общества потомки шада стояли выше потомков ябгу, но все они уже не принадлежали к роду правящего кагана. Поэтому один из потомков шада и мог получить наследственный титул *хакан-бек* или просто *бек* и стать первым после кагана человеком в Каганате, ибо его претензии на верховную власть были вполне обоснованы. Вполне возможно, что зафиксированная в мусульманской традиции схема – *хакан-бех* замещает “великого царя” (кагана), *к.нд.р.-хакан* замещает *хакан-бега*, а *джившигар* – *к.нд.р.-хакана* [Заходер, 1962, с. 226–228] – отражает новые перемены в рядах хазарской аристократии, произошедшие после событий IX в. Здесь мы не видим характерное для тюркютских каганатов деление общества на беков и простой народ – бек только один и его зовут *хакан-бех*.

Как видим, бек сумел захватить реальную власть в Каганате. В свое время М. И. Артамонов, основываясь на данных хазарско-еврейских документов, высказался в пользу того, что Обадий, будучи беком, исповедовал иудаизм и, опираясь на поддержку иудеев Каганата и своих соплеменников, заставил кагана перейти в иудаизм [Артамонов, 1962, с. 280]. Будь у кагана опора на тюркютскую знать, этого бы не случилось. В данной ситуации можно вполне согласиться с мнением М. И. Артамонова, что “двойственность верховной власти у хазар, как и у ряда других обществ со сходной государственной организацией, была отнюдь не сохраненной древней традицией, а новообразованием, возникшим в конкретных исторических условиях...” [Артамонов, 1962, с. 281].

Однако почему бек окончательно не устранил кагана от власти?

Как считает большинство современных исследователей, изначально во главе самостоятельного Хазарского государства находились представители тюркского харизматического клана Ашина. По представлениям средневековых кочевников, только представители харизматического клана имели право на власть в государстве, без которых это государство не может существовать. Следовательно, отстранение от власти кагана, наделенного властью от Неба, должно было представляться как конец государства. Однако насколько уникально хазарское двоевластие?

Весьма характерно, что подобная традиция была характерна и для многих народов, в том числе кочевых. Так, у венгров в IX в., по данным Ибн Русте, верховная власть выглядела следующим образом: "Глава их выступает в поход с 20 000 всадников и называется Кендег. Это титул царя их, потому что собственное имя человека, который царем у них – Джыла. Все Мадьяры повинуются приказаниям, которые дает им глава их, по имени Джыла, прикажет ли он на врага идти, или врага отражать, или что другое" [Хвольсон, 1869, с. 25–26]. По данным же Гардизи, один из предводителей венгров предводительствовал на войне и носил титул *кенде*, а другой – *джила* (*дьюла*) – ведал всеми остальными государственными делами [Артамонов, 1962, с. 346]. Эти данные напрямую связаны с информацией Константина Багрянородного о том, что у мадьяр после верховного князя существовали две должности – *гилас* и *кархан*, где первый по рангу стоял выше [Константин, 1991, с. 19].

По мнению А. Рона-Таш, в IX в. у венгров были именно два лидера – *кенде* и *джула* (*гилас*), где *джула* был главнокомандующим войск венгров. Однако исследователь высказал мнение, что с течением времени функции носителей этих титулов могли измениться [Rona-Tas, 1999, p. 347]. Как уже отмечалось, именно эта особенность древнего венгерского общества, в сравнении с хазарским двоевластием, дала основания Б. М. Заходеру считать дуализм верховной власти явлением, характерным для многих средневековых кочевников [Заходер, 1962, с. 203–229].

Исследователи давно уже обратили внимание на сообщение Константина Багрянородного об изменениях в структуре верховной власти венгров уже в ателькузский период, в конце IX: "хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный,

более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю-закону хазар подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Турции из этого рода" [Константин, 1991, с. 162–163]. Данный пассаж К. Цукерман прокомментировал следующим образом: «Исторический экскурс Константина Багрянородного обнаруживает важный пробел в его сведениях о политических институтах древних венгров. Константин убежден в отсутствии центральной политической власти у венгерских племен в эпоху Леведии; он знает только их военного предводителя, которого обозначает славянским термином *воевода*. Водворение Арпада в качестве *архонта* представляется как создание верховной власти, которая до этого не существовала. Однако, источник Ибн Русты описывает структуру власти у венгерских племен в период их пребывания на первой понтийской родине совсем по-иному. Он говорит о двоевластии, причем верховным правителем венгров является *канда* (*kundu*), а исполнительная власть, включая командование войском, находится в руках *джалы* (*gyula*). Это двоевластие проявляется в рассказе Продолжателя Амартола о встрече, произошедшей около 895 г., между Никитой Склиром и двумя "главами" венгров, Арпадом и Кусаном... Последний был определен, благодаря традиции, сохранившейся в венгерской хронике, как *kundu*. В неведении Константина явно повинен его информатор, Термацу. Этот правнук Арпада, посетивший Константинополь около 948 г., очевидно опустил сведения о том, что его предки установили свою династическую власть за счет законной династии» [Цукерман, 1997, с. 673]. У венгров, как видим, произошли изменения в иерархии правителей – место *кенде* занял *джула*, отодвинув первого на второе место. У хазар же наблюдаем сохранение прежней иерархии – за каганом всегда следовал бек. Следовательно, пример о двух правителях древних венгров не совсем напоминает положение дел в Хазарском каганате.

Некоторые исследователи, придерживавшиеся тезиса о двоевластии как явлении, присущем лишь кочевым обществам, пытаются апеллировать к традициям монгольского общества. Обычно в данном случае ссылаются на выводы В. В. Трепавлова, сделанные им в его монографии "Государственный строй Монгольской империи XIII в.". Там исследователь взял за

основу существования в ранней Монгольской империи военно-административной системы, в соответствии с которой территория государства делилась на две части – восточную и западную, которые управлялись двумя правителями, из которых восточный имел более высокий статус и носил наивысший титул каана. Эту систему В. В. Трепавлов и назвал системой двоевластия. По его мнению, такой принцип наблюдался и в улусах [Трепавлов, 1993, с. 75–111]. Исследователь считал такую систему традиционной для средневековых кочевников. По его словам, "наибольшее сходство с монгольским (имперским и улусным) соправительством обнаруживают Жужаньский, древнетюркские и Караханидские каганаты" [Трепавлов, 1993, с. 95]. Казалось бы выводы В. В. Трепавлова не вызывают возражений: "Общими признаками почти для всех кочевых империй, таким образом, являются: а) разделение державы на две части; б) сюзеренитет над каждой из них особого правителя; в) принадлежность соправителя к одному роду с верховным каганом; г) соправители не наследовали каганский престол; д) чаще всего соправительство устанавливалось после раздела отцовских владений между двумя старшими сыновьями; е) соправительство передавалось по наследству в роде первого соправителя; ж) западная часть державы номинально подчинялась восточной..." [Трепавлов, 1993, с. 95–96].

Однако приемлемо ли для нас сопоставление Хазарского каганата с Монгольской империей? Наблюдаем ли мы подобную систему в Хазарской империи?

В связи с этим имеет смысл обратиться к выводам Т. Барфильда, который считал, что Монгольская империя существенно отличалась в своем развитии от других кочевых империй, т. е. представляла собой аномальное отклонение от циклической модели. По его словам, "Монгольская империя Чингис-хана (XIII–XIV вв.) основывалась на гораздо более централизованной системе организации, ликвидировавшей существовавшие племенные связи и превратившей местных лидеров в имперских чиновников" [Барфилд, 2009, с. 20]. Поэтому резонно сравнить политическую систему Хазарского каганата не только с аналогичным явлением в Монгольской империи, но и со структурами кочевников более раннего времени.

Так, еще при жизни Чингис-хана наметился принцип организации будущей Монгольской империи, что в дальнейшем получило

название «улусная система». В результате, уже в середине XIII в. на завоеванных монголами территориях Азии и Восточной Европы образовались четыре государства-улуса – Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу и Улус Великого хана монголов (империя Юань), где позиции лидера принадлежали последнему улусу. В непосредственной связи с улусной системой Монгольской империи находилась военно-административная организация общества, в соответствии с которой принцип формирования территории и комплектования вооруженных сил были между собой связаны. При этом монгольские вооруженные силы делились на три группы – центра, правой и левой руки. Во времена Чингис-хана при формировании флангов монгольского войска наметилось отступление от традиций кочевников – военные подразделения уже не формировались по этническому признаку. В результате, такое разделение привело к возникновению новой военно-административной системы Монгольской империи, весьма отличной от организации предшественников. В непосредственной связи с военной улусной системой находилось также введенное Чингис-ханом разделение монгольской армии на десятки, сотни, тысячи, туманы. При новой системе "ноян" «тысячник» оказывался принадлежащим совсем к иному роду, чем «люди» его «тысячи». По мере того, как монголы покоряли новые территории и в монгольскую армию стали включать представителей покоренных народов, данный способ организации боевых подразделений, в соответствии с территориальными и десятичными принципами, распространялся и на эти новые единицы в составе вооруженных сил монголов. Улусная система в Золотой Орде после Бату подверглась дальнейшей трансформации. Собственно Улус Джучи делился на улусы – на левое (восточное) и правое (западное) крыло. При этом такое разделение было многоступенчатым. В результате, монголы нарушили характерную для кочевников традицию создания административной системы по этническому принципу – здесь возобладал территориальный принцип, при котором этнические группы оказывались специально разделенными по территориям улусов. Благодаря этому монголы с целью ослабления позиций покоренных народов могли переселять часть их в другие отдаленные от центра государства улусы.

Однако в каганатах тюркютов, которые являлись предшественниками Хазарского каганата, мы наблюдаем несколько иную картину. Так, в Великом Тюркском каганате, который

существовал во второй половине VI – начале VII вв., уже первые правящие каганы тюркотов из рода Ашина установили в каганате так называемую "удельно-лествичную" систему, которая пресекала сепаратизм и обуславливала поочередное наследование титула великого кагана принцами по крови. Великий Тюркский каганат в 568 г. делился на четыре удела, а в 576 г. – на восемь и во главе этих уделов все время оставались представители харизматического клана Ашина. С самого начала возобладала традиция разделения Великого Тюркского каганата на восточное и западное крыло, что было характерно для многих этнополитических объединений средневековых кочевников. После 555 г. на восточных и западных территориях Великого Тюркского каганата сложилась военно-административная система, которая предопределяла новое разделение на западные и восточные территории. При этом во главе западной части Каганата находился ябгу-каган, а во главе коренных восточных земель был сам каган тюркотов. Все это привело к тому, что на рубеже VI–VII вв. Первый Тюркский каганат окончательно распался на Западный и Восточный каганаты.

Основу древнетюркского государства составляла военно-административная организация кочевых племен – *эль*, которая со временем слилась с родоплеменной структурой кочевых племен. Таким образом, понятие *эль* отождествлялось как с государством, созданным кочевыми племенами тюркотов, так и отражало собственно племенную структуру – тюркский народ. Однако тюркский *эль*, разрастаясь, территориально подвергался постоянному дроблению на западные и восточные группы, потому что изначально тюркютская держава делилась на западную и восточную части. Очень быстро эти части также делились на западные и восточные фланги. При этом и среди западных, и среди восточных тюркотов изначально сложилась система объединения племен подесасть, где каждый десяток делился на пять племен и при этом символом племени была стрела. Однако эта система касалась, в первую очередь, тюркоязычных номадов, которые являлись господствующим этносом в каганатах тюркотов.

Необходимо также отметить, что в государствах средневековых номадов административная система не только совпадала с военной, но и при этом восточное подгосударство доминировало политически над западным. Это можно объяснить первоначальным нахождением домена правителей на восточных землях, откуда они

совершали экспансию на запад.

Одним из основных заданий политико-административной системы государств средневековых номадов являлось урегулирование отношений между кочевниками-завоевателями и покоренным населением. Так, в каганатах тюркотов, как уже отмечалось, господствующем слоем общества стал *эль*, в состав которого изначально входили только племена завоевателей. Однако при расширении державы в состав *эля* стали включаться новые племена, что обуславливало как "горизонтальную мобильность" *эля*, так и "вертикальную мобильность", связанную с сохранением строгой иерархии родов, кланов и племен в соответствии с происхождением. При этом административное разделение государства на восточную и западную части касалось прежде всего *эля*. Взаимоотношения *эля* и покоренного зависимого населения основывались на принципах вассалитета. Подвластные тюркютам племена сохраняли свою родовую организацию и входили полностью в состав каганата. При этом тюркюты практиковали переселение покоренных племен, и тогда их земля становилась собственностью тюркютской знати. Те, кто оставался на своих территориях, вместе со своей знатью становились вассалами тюркотов. Все покоренные тюркютами племена должны были нести определенные повинности по отношению к завоевателям: регулярно платить дань, нести военную службу и т.п. Таким образом, можно считать, что в военно-административной и социально-политических системах Тюркского каганата сохранялся принцип иерархии в соответствии с этническим происхождением. Однако в состав западнотюркского *эля* вошли не только племена кочевников-тюркотов, но и оседлые и полuosедлые племена индоевропейского происхождения. Это можно объяснить тем, что в Западнотюркском каганате изначально представители рода Ашина находились в абсолютном меньшинстве, хотя местные кочевые племена и оседлое население Средней Азии довольно быстро признали верховенство западной ветви харизматического рода Ашина. Такая политика позволила тюркютам удерживать свою власть на пограничных территориях каганата. Однако в Западном Тюркском каганате был установлен довольно жесткий политический контроль над зависимыми территориями, чей вассалитет до этого ограничивался лишь уплатой дани. На все подвластные кагану территории были поставлены уполномоченные каганом ставленники – тудуны, а местным владетелям были

“пожалованы” тюркские титулы, что должно было включить их в административную иерархию каганата, и это подкреплялось брачными связями с правящей ветвью рода Ашина. Аналогичная система сложилась в Восточном Тюркском каганате, где во главе больших племен каганом из рода Ашина были поставлены эльтерберы, а более мелких племен – тутуки. При данной системе земли покоренных племен переходили под контроль ябгу и шадов, которые были из каганского рода Ашина. При этом ябгу и шадов должно было быть несколько – по количеству покоренных племен, которые на случай войны входили в состав тюркютского войска. При этом ябгу являлся наместником на западных территориях покоренного этноса, а шад – на восточных. Именно такая система при содействии администрации распространялась на все покоренные племена. В случае добровольного перехода под власть кагана из рода Ашина, каганы покоренных народов оставались на своих местах, и эти этнополитические объединения не входили в состав тюркского эля. Все ограничивалось лишь выплатой дани. Второй Тюркский (Восточный) каганат состоял из четырех основных районов: 1) Монголия; 2) Алтай; 3) Южная Сибирь и Саянский хребет; 4) Семиречье. При этом, кроме первого района, остальные три были зависимыми образованиями, а не органической частью тюркского эля.

Обычно исследователи считают Хазарский каганат правопреемником Западного Тюркского каганата. Однако это верно лишь отчасти.

Из письменных источников нам известно, что в X в. территория Хазарского каганата делилась на два региона, которые имели особый административный и политический статусы: 1) собственно Хазария – земли Дагестана и Нижней Волги, которые принадлежали непосредственно хазарской верхушке и кочевым племенам, слившимся с хазарами; 2) территории, населенные народами, правители которых были вассалами хазарского кагана. Во главе хазар были представители рода кагана и сам каган, а также заместитель кагана – бек, известный как царь хазар, и его род. Следующую ступень в иерархии хазарского общества занимали другие знатные хазарские роды. Из числа представителей знатных родов каганом или беком назначались военачальники – тарханы для управления на территориях, входивших в состав собственно Хазарии. Население собственно Хазарии делилось на знать (тарханов) и

простой народ (представителей незнатных родов), где первые были освобождены от уплаты налогов, но были обязаны нести военную службу, а на других ложилась вся тяжесть налогов на территории, непосредственно подчиненной кагану. На зависимые территории, управляемые местными правителями, хазары назначали своих представителей-тудунов, которые контролировали выплату дани подвластными народами. К числу повинностей зависимых от хазар народов относилась также военная служба. При этом войска Хазарского каганата формировались по этническому признаку и ополчение набиралась из покоренного населения в принудительном порядке. Есть основания считать, что для обозначения правителей подвластных народов хазары, как и тюркюты, использовали титул *эльтебер* – достаточно вспомнить правителя дагестанских гуннов “Апп-илетвера” и правителя волжских болгар “Балатвара”. Как уже отмечалось, в VIII в. предводитель хазар, но не каган, носил также титул “Хатирлитбер” – “Хазар-эльтебер”. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что каган хазар из рода Ашина не рассматривал себя в качестве правителя лишь хазар, а был каганом для всех народов Хазарского каганата, тогда как прежний предводитель хазар попал к Ашине в подчиненное положение. К числу принудительных обязанностей покоренных хазарами народов следует также отнести существование браков, которые заключались хазарским каганом или царем (беком) с дочерьми правителей подвластных хазарам народов. Таким образом, наиболее высокую ступень в социальной иерархии хазарского общества занимал харизматический клан кагана. Представители же хазарского этноса занимали господствующее положение в обществе. В зависимом положении от хазар были народы или этнические группы, которые предшествовали появлению хазар в Восточной Европе и на Кавказе. Они являлись данниками хазар и занимались преимущественно полукочевым скотоводством и земледелием и составляли основу хазарского войска на случай войны. Наиболее низкую ступень в социальной иерархии занимали рабы иноземного происхождения. Все это позволяет считать, что хазары даже в X в. продолжали сохранять немало традиций кочевого общества. С другой стороны, существование у хазар войска наемников из числа ал-арсиев, внедрение институтов наместников-тудунов и т. п. позволяет считать, что хазарское общество в своем развитии уже значительно отошло от традиций родового строя. Взаимоотношения хазар с

зависимыми народами базировались на принципах вассалитета. Кроме того, следует отметить, что в зависимом положении от хазарских правителей находились правители народов, не входивших в состав Хазарского каганата, но проживавших возле границ этого государства. Зависимое положение последних проявлялось, прежде всего, в регулярной выплате дани, сбором которой занимались не сколько сами хазары, а сколько их вассалы. К числу таких зависимых этнополитических образований можно отнести славянские племенные союзы полян, северян, радимичей, вятичей. Очевидно, дань с них собирали вассалы хазар – аланы лесостепного Подонья, которых "Повесть временных лет" могла назвать обобщающим термином "Козаре".

Анализируя же административно-территориальное устройство Хазарского каганата в первой половине X в., можно отметить, что в тот период уже не было известно разделение территории государства и населения на восточную и западную части. Объяснить это можно тем, что Хазарский каганат образовался в результате отделения от Западного Тюркского каганата, который в свое время отделился от Великого (Первого) Тюркского каганата. Казалось бы, делить дальше некуда. Однако имеются данные, которые позволяют считать, что до X в. у хазар наряду с каганом существовали должности правителей западных и восточных территорий, которые соответственно именовались *ябгу* и *шад*.

Как уже отмечалось, армянские авторы (напр., Мовсес Калакантуаци) свидетельствуют о нахождении на Восточном Кавказе носителей титулов *шад* и *джабгу* в первой половине VII в. [Golden, 1980, p. 187–188; 206–207], т. е. тогда, когда земли хазар были составной частью Западного Тюркского каганата. В первой половине X в., по наблюдениям П. Голдена, титул *шад* еще встречался у хазар в форме *иша* у Ибн Русте, *инса* – в "Худуд ал-'Алам", *ишад* – у Гардизи, *шад* – у Мовсеса Калакантуаци [Golden, 1980, p. 206–208]. Тем не менее, мы не знаем, существовал ли когда-нибудь в суверенном Хазарском каганате носитель титула *ябгу*, и если это имело место, то какие территории попадали под его контроль?

В связи с этим имеет смысл обратить внимание на следующие наблюдения А. В. Гадло: «У адыгейских народов Северного Кавказа сохранилось генеалогическое предание, повествующее о предке наиболее крупных княжеских династий и аристократических

родов. Их родоначальником предание называет "князя" Инала, которому приписывается объединение адыгских племен, ряд внутренних административно-судебных реформ и удачные войны с опсами (осами-аланами) и абхазами. Предание говорит о том, что деятельность Инала не получила продолжения и все его начинания были утрачены при его сыновьях, против которых адыгами было поднято восстание. В русских родословных XVII в. Инал был известен под другим именем – Акабгу, которое может быть принято за тюрко-хазарский титул ак-ябгу, имевший широкое распространение во второй половине I тыс. Имя Инал также представляет социальный термин, распространенный как в Тюркском, так и в Хазарском каганате. Эти обстоятельства наряду с рядом других реалий, сохранных адыгским фольклором, дали нам основание высказать предположение о том, что в предании об Инале сохранилось воспоминание о периоде временной консолидации адыгов, которая совпала с деятельностью на территории юго-западного Предкавказья представителя Хазарского каганата. К середине X в., когда писали ал-Масуди и Константин, объединение адыгов, видимо, уже распалось. Появление хазарского "наместника" в юго-западной части Предкавказья, вероятнее всего относить ко второй половине VIII в., когда хазарские войска принимали активное участие в событиях, происходивших на территории Абхазии...» [Гадло, 1979, с. 195].

Стало быть, в VIII в. шад должен был контролировать восточные владения Хазарского каганата, например земли Дагестана, в то время, когда ябгу являлся правителем западных территорий в Прикубанье. Следовательно, в момент становления Хазарского каганата существовала традиционная для тюркотов иерархическая верхушка: каган–шад–ябгу. В начале же X в. у хазар видим следующую иерархию: хахан– хахан-бех (потомок шада) – к.нд.р.-хахан – джившигар [Заходер, 1962, с. 226–228], т. е. хазарское двоевластие – это власть кагана и потомка шада – бека. Это в корне отличается от схемы В. В. Трепавлова, который при анализе политической системы Монгольской империи за основу взял тот принцип, в соответствии с которым территория государства делилась на две части – восточную и западную, которые управлялись двумя правителями, из которых восточный имел более высокий статус и носил наивысший титул каана [Трепавлов, 1993, с. 75–111]. Если следовать схеме В. В. Трепавлова, то получим следующую схему

"хазарского двоевластия": шад-ябгу. Но ведь был еще каган, который стоял над шадом!

Не стоит в нашем случае забывать, что в VII–VIII вв. хазары еще продолжали жить по законам кочевого общества, тогда как в IX в. в силу причин экономического и политического характера значительная часть хазар вынуждена была переселяться в города. Одним словом, на новом этапе в поступательном развитии хазарского общества стали срабатывать иные закономерности, более присущие политическим системам с иным социально-экономическим укладом. Примечательно, что двоевластие имело распространение не только среди средневековых кочевников.

Исследователи уже давно обратили внимание на сообщение Ибн Фадлана о двоевластии у русов, в соответствии с которым царь русов ничего не делает, но у него есть "заместитель (халифа), который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных" [Ковалевский, 1956, с. 146]. Весьма характерно, что "Повесть временных лет" также подтверждает существование таких дуумвиратов: Аскольд и Дир, Олег и Игорь, Ольга и Святослав и т. д. Это дало основание А. П. Толочко говорить о заимствовании Русью формы устройства государственной власти из Хазарии, которую принято называть "диархия" [Толочко, 1989, с. 21–23]. Однако В. Я. Петрухин, комментируя сообщение Ибн Фадлана о двоевластии у русов, отметил: «Неясно при этом, насколько эти информанты стремились изобразить быт правителя в соответствии со своими представлениями о престиже власти царя, и насколько их информация отражала реалии, в том числе исторические – "двоевластие", свойственное многим обществам раннего средневековья. Это "двоевластие" находит параллели и в Аварском каганате, повлиявшем на социальное развитие Моравии» [Петрухин, 2005, с. 172].

Необходимо отметить, что двоевластие не является уникальным явлением для хазарского общества, а наблюдается в тех государствах, где власть наделенного харизмой рода не имеет реальной поддержки в обществе: микадо и сегун в средневековой Японии; правитель Мамай при Джучидах в Золотой Орде; эмир Тимур и его потомки в государстве Чагатаидов; династия султанов Аюбидов при Фатимидских халифах в Египте; династия вазирей из рода Бармакидов при Аббасидских халифах, и т. п. Таким образом, дуализм верховной власти является лишь одним из вариантов

развития тех обществ, во главе которых состоят наделенные харизмой роды, но которые уже утратили реальную власть и остались в виде символа во главе государства. В данном случае остается предположить сценарий возможных событий, которые могли привести к установлению в Хазарии системы двоевластия.

Вполне вероятно, что до начала IX в. в Хазарском каганате существовала политическая система, аналогичная системе в Западнотюркском каганате. Иными словами, во главе каганата находился каган вместе с шадом и ябгу, которые принадлежали к роду Ашина. За ними следовали беки – вожди тюркютских племен. То, что в Западном Тюркском каганате была не только западная ветвь родовой группы Ашина, но и возглавляемое этим кланом одноименное племя, свидетельствуют некоторые документы. Так, в свое время Л.Н. Гумилев привел фрагмент из найденного экспедицией П. Пельо географического трактата, который был написан во второй половине VIII в., очевидно, сначала на южномонгольском языке с ощутимым влиянием китайского и со временем переведенный на тибетский язык. По мнению Л.Н. Гумилева, ситуация, отраженная в трактате, соотносится с последними годами царствования Тон-джабгу-кагана. Если учесть определенные фонетические искажения в названиях племен и последовать за предположениями Л.Н. Гумилева, то можно увидеть, что в состав тюркского эля уже тогда входило не десять, а двенадцать племен двух крыльев западнотюркского эля [Гумилев, 1967, с. 160–161]. По наблюдениям Л.Н. Гумилева, в перечне племен на первом месте стоит "племя царя Азма Муганя", в котором исследователь вполне обоснованно усматривал правящее племя Ашина, в соответствии с названием правящего рода [Гумилев, 1967, с. 161]. Таким образом, на территории Западного Тюркского каганата, как и на землях Восточного, господствующее положение занимало племя, во главе которого стояли представители западной ветви харизматического клана Ашина. Следовательно, такая же ситуация могла наблюдаться и в Хазарском каганате.

В настоящее время большинство исследователей поддерживают гипотезу М.И. Артамонова, согласно которой основателем Хазарского каганата был представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, а именно "преемник Иби-Шегуй хана, свергнутый с тюркютского престола, но нашедший себе убежище у хазар". М.И. Артамонов был склонен связывать воцарение каганов

в Хазарии с гражданской войной в Западном Тюркском каганате в середине VII в. между племенными союзами дулу и нушиби, где последние поддерживали основателя Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с. 170–171]. Однако неизвестна дальнейшая судьба этих племен.

В связи с этим особый интерес представляет описание хазаро-болгарской войны второй половины VII в., которое содержится в Пространной редакции Письма Иосифа: «...когда мои предки были еще малочисленны... Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить день до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-т-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-т-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени "Дуна". До настоящего дня они расположены на реке "Дуна" и по близости от Кунстандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [Коковцов, 1932, с. 92]. Однако непонятно, почему хазары в конце VII в. смогли победить болгар-В-н-т-р'ов? Это можно объяснить лишь ростом количества племен, вошедших в состав хазарской племенной конфедерации, что могло быть вызвано новой значительной миграцией населения, ибо часть одного племени западных Ашина не могла в значительной степени усилить военные силы хазар. Этой значительной военной силой для хазар могли стать племена западных тюркютов из племенной группировки нушиби [Артамонов, 1962, с. 170–171]. Однако их дальнейшая судьба неизвестна.

В связи с этим имеет смысл обратиться к наблюдению Б.Н. Заходера, который считал, что "на более правильном пути находятся исследователи, усматривающие под названием хазар сложное соединение различных племен и народов" [Заходер, 1962, с. 137]. Доказательством неоднородности хазар может являться сообщения ал-Истахри, который в X в. о хазарах писал: «Хазары не похожи на тюрков; они черноволосы и их две разновидности; [одна] разновидность называется *кара-хазар*; они из-за своей смуглости по черноте напоминают разновидность индийцев; [вторая] разновидность "белые" выделяется приятной наружностью и красотой» [Istahri, 1870, p. 223; Караулов, 1901, с. 48–49].

Аналогичную информацию повторяют Ибн Хаукаль [Ibn Haukal, 1939, p. 294], Йакут, Закарийа Казвини, Ибн Ийас, Хаджи Халифа [Заходер, 1962, с. 137–138], Абу-л-Фида [Aboulfeda, 1848, p. 303]. Если отбросить гипотезы исследователей, буквально трактующих сообщение ал-Истахри с расовых позиций, то наше внимание могут привлечь подходы тех исследователей, которые вкладывают в сообщение ал-Истахри как социальный, так и этнический аспекты, зачастую связывая два этих фактора.

Так, П. Голден считал, что термин *кара-хазар* мог представлять собой скорее политическую группировку, чем этническую группу – "хазарские массы", а не знатные [Golden, 1980, p. 143]. Со своей стороны М. И. Артамонов считал сведения о "черных и белых" хазарах свидетельством того, что в среде хазар существовали "социальные категории" [Артамонов, 1962, с. 400]. Социальное значение названиям "черные" и "белые" хазары придавал также Б.Н. Заходер, который отнес "черных" хазар к простому народу, а "белых" – к знати. Кроме того, он предположил, что "белыми" хазар могли называть и потому, что они обитали на левом, западном берегу Итиля, исходя из того, что многие тюрки традиционно обозначали запад белым цветом. Несмотря на это, Б.Н. Заходер отдавал предпочтение той гипотезе, согласно которой существование "белых" и "черных" хазар может свидетельствовать о том, что в их этногенезе принимали участие различные родо-племенные группы. В "белых" хазарах исследователь склонен был видеть потомков прототюрков, язык которых, по его мнению, должен была быть близкородственным чувашскому [Заходер, 1962, с. 138–139, 142, 144, 194–195].

О том, что хазары в этническом плане были неоднородны, могут свидетельствовать также данные мусульманских авторов о языке хазар. Так, ал-Истахри сообщает, что язык хазар не походит ни на тюркский язык, ни на язык персидский, ни на какой-либо другой известный язык. Однако тот же ал-Истахри далее сообщает, что язык болгар походит на язык хазар. Эти же сведения подтверждает Ибн Хаукаль. Информацию о несхожести хазарского языка с тюркским и другими известными языками сообщают также ал-Бакри, Йакут и некоторые другие мусульманские авторы [Заходер, 1962, с. 135–137].

Таким образом, мы можем отметить ситуацию, в соответствии с которой хазарский этнос образовался в результате завоевания

одним этносом других этнических групп и племен. В связи с этим имеет смысл вспомнить концепцию академика А.Е. Крымского относительно событий, в результате которых образовался хазарский этнос. Известный украинский востоковед считал, что VII в. господствующее положение среди туземцев Северо-Восточного Прикаспия – хазар заняли пришельцы-тюрки и в результате этого "получили некоторые национальные изменения, безусловно, не только тюрки, но и хазары". А.Е. Крымский считал, что "в конце-концов верх взяла ассимиляторская сила хазарского большинства" [Кримський, т. II, с. 51–55]. К этому следует добавить предположение М.И. Артамонова, согласно которому во главе этих пришельцев находились представители клана Ашина, которые и возглавили Хазарский каганат [Артамонов, 1962, с. 170–171].

Следовательно, хазарский этнос после событий VII в. представлял собой сложную конфедерацию племен, где этнические признаки тесно переплелись с социальными факторами. Так, верхушку общества составляли представители харизматического рода Ашина – старейшиной частью одноименного каганского племени, которое ушло с ними из Центральной Азии в Восточную Европу. Естественно, наиболее высокий социальный статус в хазарском обществе должен был принадлежать также хазарским тюркютам, которые представляли собой, в первую очередь, потомков племенной конфедерации нушиби. Более низкий социальный статус должны были занимать племена собственно хазар, т. е. потомков тех кочевников, которые поселились в Прикаспийском Дагестане еще в VI в. Перед нами типичная для кочевых обществ ситуация. Следовательно, социально-политическая иерархия внутри хазарской конфедерации племен до начала IX в. должна была выглядеть следующим образом: каган (из рода западных Ашина) – шад и ябгу (из рода западных Ашина) – беки (вожди тюркютских племен) – хазир-эльтебер (вассальный кагану правитель этнических хазар) – вожди племен этнических хазар. Таким образом, в соответствии с давней тюркской традицией, хазир-эльтебер исключается из претендентов на должность хакан-бека, так как его происхождение было более низкое, чем у тюркютских беков. Поэтому остаются вожди тюркютских племен или шад. Однако последний был родственником кагана и, пока его ветвь не отделилась от рода кагана, он не мог возглавлять одно из племен тюркютов. Но бек был один. Стало быть, в IX в. во главе племенной конфедерации хазар осталось не

только племя кагана, но и одно тюркютское племя, возглавляемое беком, в прежнем титуле которого *ушад* (*уша*) угадывается потомок шادا. Таким образом, цепь событий, приведшая к соправительству кагана и бека, вырисовывается следующим образом.

В 39 главе сочинения Константина Багрянородного говорится о том, что до переселения венгров-"тюрков" в Паннонию, в IX в., в среде хазар вспыхнуло восстание каваров: "Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами. Поэтому и тюрков они обучили языку хазар и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык тюрков. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода каваров), существующий и по сей день [Константин, 1991, с. 162–163]. Однако данный фрагмент не дает ответа на вопрос: кавары – это отколовшаяся от этнических хазар часть или они из числа хазарских тюркютов? Тем не менее, упоминание их рядом с венграми, земли которых в IX в. находились в степях Северного Причерноморья, позволяет считать прежними местами обитания каваров степи Волго-Донья, а не Приморского Дагестана, где обитали этнические хазары. Стало быть, более предпочтительной выглядит версия о тюркютском происхождении каваров. Интересно также указание Константина на то, что в среде венгров поселились "три рода каваров" со своим архонтом [Константин, 1991, с. 162–163]. И при этом в 40 главе Константин при перечислении восьми племен венгерской конфедерации отмечает: "Первый – этот, от хазар отколовшийся, вышеназванный род каваров" [Константин, 1991, с. 162–163]. Получается, что в этом следует видеть указание на то, что к венграм ушли осколки трех племен каваров, которые в составе венгров образовали новое племя. Указание же Константина о восстании каваров – "Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками" – позволяет считать, что каваров до восстания могло быть и больше 3 племен, которые Константином названы "родами". Поэтому можно вспомнить, что в

составе конфедерации племен Нушиби было 5 племен. Сколько их могло поселиться на территории Хазарского каганата, до сих пор неизвестно.

Опыт изучения войн между кочевниками показывает, что после разгрома враждебных союзов племен победители не уничтожали всех побежденных, а подвергали физическому истреблению лишь родовую верхушку племен. Показателен в этом отношении результат монголо-кипчакских войн, когда была вырезана лишь знать кипчаков. При этом племена расформировывались, и их осколки на правах родовых групп включались в состав новых племенных объединений. Стало быть, такая же участь могла постичь разбитых хазарской верхушкой каваров, из которых часть убежала к венграм. Вполне вероятно, что из числа оставшихся на территории Хазарского каганата родовых групп каваров было сформировано одно новое племя.

Однако не понятно также указание Константина на то, что кавары восстали "против своей власти", которую он также охарактеризовал как "прежняя власть их". На сегодня существует обширная литература, где авторы пытаются доказать, что это восстание было направлено против притязаний бека на верховную власть, т. е. доказывається приверженность каваров власти кагана. Однако бек (пех), первые упоминания о котором относятся лишь к началу 30-х гг. IX в., т. е. накануне постройки Саркела [Константин, 1991, с. 162–163, 170–171], не мог быть "прежней властью их". Следовательно, восстание каваров могло быть направлено против самого кагана.

Что же могло спровоцировать каваров на это восстание? Объяснение этого может быть одно: кавары были недовольны внутренней политикой кагана, которую он проводил на рубеже VIII–IX вв. Именно в VIII в., после поражения в последней арабо-хазарской войне 737 г., направление экспансии хазар изменилось. Хазары начали завоевывать территории на севере – в лесостепном Подонье и Поволжье. Это потребовало переселения из района Северного Кавказа на север отдельных групп аланов, болгар и других этнических групп. Таким образом, администрация кагана с одной стороны ослабляла силы своих сепаратистки настроенных подданных, а с другой – укрепляла позиции Каганата на северных рубежах. Опыт изучения кочевников показывает, что вместе с племенами вассалов на новые земли внедрялись и отдельные группы этноса-завоевателя, что было необходимо для успешного

контроля ситуации на местах. Вполне вероятно, что хазарский каган стремился переселить из степей на новые земли и кочевые племена хазарских тюркютов. Однако, с точки зрения кочевников, такой исход событий был для них очень неблагоприятным, ибо означал отрыв от привычной кочевой жизни. Это и могло стать причиной восстания каваров накануне того времени, когда начал строиться Саркел и в степях Северного Причерноморья появились венгры.

В результате, можно констатировать, что после подавления восстания каваров в Хазарском каганате сложилась новая политическая система, на вершине которой находились два племени тюркютского происхождения. Одно из них было представлено племенем кагана, а второе, вероятнее всего, было сформировано из остатков разбитых племен каваров. Вопреки принятому мнению, следует высказать точку зрения, что союзниками, а не противниками, в этих событиях выступили каган и шад. Как мы знаем, кавары были разбиты, а это может означать, что роды возглавлявших эти племена беков были уничтожены. После этого каган легитимировал отделение ветви шада от рода кагана и поставил его во главе новообразованного племени тюркютского происхождения. Это дало ему право даровать шаду титул **бек**. Именно существование только одного тюркютского племени, кроме каганского, на вершине политической иерархии Каганата и позволяет понять, почему в X в. в Хазарии был только один обладатель титула **бек**. С точки зрения традиций кочевников, такая смена титула означала понижение, но давала новые полномочия на вершине власти. Так как каган и хакан-бек (шад) происходили от потомков Ашина, то претензии бека на реальную власть в государстве были вполне обоснованы.

Литература

- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
 Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб., 2009.
 Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М., 1946.
 Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гевонд В. История халифов. СПб., 1862.
- Григорьев В. Об образе правления у хазаров // ЖМНП. 1834. Ч. 3.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1991.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. М., 1962.
- Калинина Т. М. Знать хазар по данным арабо-персидских источников // Хазарский альманах. Т. 4. Киев-Харьков, 2005.
- Караулов Н. А. Сведения арабских географов о Кавказе // СМОМПК. Т. XXXII. Тифлис, 1901.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
- Кримський А. Ю. Хазари. Т. II. // Інститут рукописів Національної бібліотеки ім. В. Вернадського НАН України. Ф. XXXVI. № 65.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петрухин В. Я. Ибн Фадлан о власти русского князя и хазарская традиция // Хазарский альманах. Т. 4. Киев-Харьков, 2005.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
- Семенов И. К интерпретации титула хазир-эльтебер // Проблемы еврейской истории. Ч. 1. М., 2008.
- Толочко А. П. Структура княжеской власти в Южной Руси в середине IX – середине XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. К., 1989.
- Трепаев В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869.
- Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Aboulfeda. Geographie. Traduite de l'Arabe en Français. L. II. Paris, 1848.
- Dunlop D. M. The history of the Jewish Khazars. 2 ed. New-York: Princeton Univer. Press, 1954.
- Golden P. B. Khazar studies. Vol. I. Budapest, 1980.
- Ibn al-Asir. Al-Kamil fi Tarikh. Beirut, 1978.
- al-Istahri Abu Ishak al-Farisi. Viae Regnorum. Descriptio Ditionis Moslemicae // BGA / Edidit M. J. de Goeje. Pars Prima. Leiden, 1870.
- Klaprot J. Memoire sur les Khazars // Journal Asiatique. T. III. Paris, 1823.
- Minorsky V. Hudud al-'Alam. The regions of the World. London–Oxford, 1937.
- Rona-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.
- Tabari. Tarickh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VIII.

Бубенок О.Б.
Каган і бек

(у пошуках витоків хозарського двовладдя)

Резюме

Мусульманські джерела відзначили існування в хозарів на початку X ст. дуалізму верховної влади, що проявилось в спільному керуванні кагана і бека. Одні дослідники не прагнули побачити в прояві двовладдя хозарів якусь закономірність у розвитку кочового суспільства, інші ж, навпаки, вважали це явище типовим для політичних об'єднань середньовічних кочівників. Однак проведений аналіз дозволяє вважати, що двовладдя не є унікальним явищем для хозарського суспільства, але спостерігається в тих державах, де влада наділеного харизмою роду не має реальної підтримки в суспільстві.

Імовірно, у IX ст., після придушення повстання кабарів, у Хозарському каганаті склалася нова політична система, на вершині якої виявилось два племені тюркютського походження – плем'я кагана і плем'я, на чолі якого каган поставив шада, відповідно даровав йому титул **бек**. Якщо каган і бек (шад) походили від нащадків Ашина, то претензії бека на реальну владу в державі були цілком обґрунтовані.

Бубенок О.Б.
Каган и бек

(в поисках истоков хазарского двоевластия)

Резюме

Мусульманские источники отметили существование у хазар в начале X в. дуализма верховной власти, что проявилось в совместном управлении кагана и бека. Одни исследователи не стремились увидеть в проявлении двоевластия хазар какую-то закономерность в развитии кочевого общества, другие же, наоборот, считали это явление типичным для политических объединений средневековых кочевников. Однако проведенный анализ позволяет считать, что двоевластие не является уникальным явлением для хазарского общества, а наблюдается в тех государствах, где власть наделенного харизмой рода не имеет реальной поддержки в обществе.

Вероятно, в IX в., после подавления восстания кабаров, в Хазарском каганате сложилась новая политическая система, на вершине которой оказалось два племена тюркютского происхождения – племя кагана и племя, во главе которого каган поставил шада, соответственно даровав ему титул **бек**. Так как каган и бек (шад) происходили от потомков Ашина, то претензии бека на реальную власть в государстве были вполне обоснованы.

O.B. Bubenok
Kagan and Bek

(in Search of Sources of the Khazarian Double-Power)

Summary

According to the data of Muslim sources, in the first half of X-th century AD the double ruling of kagan and bek was in the Khazars society. Some scholars did not see in it a natural feature of nomadic society. Others considered on the contrary. However the completed analysis conforms that the double-power was not unique only for the Khazar society but it took place in states where the kharismatic clans had not the real supporting in society.

Maybe, after the suppressing of Kabars' revolt in IX century AD the new political system was established in the Khazar kaganate. According to it, only two Turkuts tribes became the main. The first was kagan's tribe and the second was the new tribe leading by former **shad** with new title **bek**. Kagan and shad (bek) were descended from the clan of Ashina together and therefore bek could have the right on the supreme power as well.